

"Добрый вечер, сенатор", - сказал другой посетитель вечеринки, приближаясь с такими же чертовски горящими глазами. "Хорошо проводите вечер?"

"Вполне. Прошу прощения", - вежливо ответила Падме и удалилась, вернувшись в свой теперь уже пустой угол.

Ее нынешняя стратегия оставаться незамеченной, или пытаться остаться незамеченной, заставляла ее чувствовать себя дефелем, который забыл, как сгибать свет, чтобы слиться с ним. И она тоже забыла. Она не могла слиться с толпой, во всяком случае, не полностью, потому что в глубине души у нее не было желания делать это. Она не хотела возвращаться к своим старым привычкам, потому что боялась, что если она это сделает, то потеряет уверенность в себе, необходимую для того, чтобы начальство смотрело на нее не как на глупого ребенка, слепо вручившего Палпатину замок и ключ от галактики.

Она отогнала эту мысль и сосредоточилась на своем платье. Падме могла сказать, что некоторые из ее коллег на вечеринке уже были недовольны ею, но это было плохое решение, принятое по правильной причине, и на самом деле она знала, что они расстроены только потому, что она поступила не так, как они.

Ей нравилось думать об этом по-другому, потому что технически она не нарушила никаких правил. Она просто слегка переступила черту. Они никогда не говорили, что она должна носить что-то скромное, только то, что она не должна быть светской и что она должна стараться слиться с толпой, что она и пыталась сделать. Она и пыталась быть светской, и пыталась слиться с толпой. Это была не ее вина, что она не справилась с задачей. Она не была такой тупой, как некоторые считали. Она знала, что делает, и что нужно быть осторожной, но она также не собиралась показывать, что боится, и что не прогнется ни перед какими средствами из-за Императора. Она не позволит ему получить больше удовлетворения.

За последние два года в галактике все кардинально изменилось. Ведь это был не обычный праздник, а вечеринка в честь создания Империи, ибо прошло два года с тех пор, как "канцлер" Палпатин распустил Сенат, превратив его в Галактическую Империю и провозгласив себя Императором всей Галактики. Падме оглядела зал, вбирая в себя счастье и волнение, ложь и идиотизм. Люди, праздновавшие в этой комнате, были либо идиотами, раз последовали за таким ужасным человеком, который, очевидно, был маньяком, жаждущим власти, либо скрывали свои истинные чувства - очень, очень, очень глубоко внутри. Тем не менее, ее поразило, что столько людей нашли время посетить такую вечеринку, в то время как вселенная была поработана. Где была их совесть? Неужели эти люди были не против того, чтобы Палпатин захватил власть? Неужели их устраивала Империя? Как они могли быть такими? Как они могли не сопротивляться?

Она никогда не задавалась вопросом, сражаться или нет, ответ всегда был очевиден. Она знала, что должна сражаться. Она не могла спокойно сидеть и смотреть, как горит галактика. Она никогда не перестанет бороться за то, что считала правильным. Она была обязана галактике, не только потому, что она была лидером, или потому, что она тоже жила в этой самой галактике, но потому, что она грешным образом была ключевой фигурой в игре Палпатина на пути к власти. Недавно назначенный девятнадцатилетний сенатор, которой она когда-то была, глупо доверилась человеку, которого считала своим другом и наставником,

поверила его паутине лжи и обещаниям вернуть чрезвычайные полномочия, которым она доверяла и которые по воле Сената были переданы ему. В то время она была полностью уверена и верила, что поступила правильно - наилучшим образом для галактики, дав Палпатину возможность использовать свои чрезвычайные полномочия для создания "Великой армии Республики", чтобы помочь перегруженным джедаям, а взамен получить способ защитить Республику... но, конечно, все действия оказались напрасными - правда была скрыта, и все оказалось ложью.

После того, что она сделала, она могла жить только с собой, зная, что она боролась - зная, что она пыталась изменить ситуацию к лучшему для галактики. Она не могла с этим мириться. Не могла поддерживать Империю, и именно поэтому она и ее сверстники создали Альянс Повстанцев. Восстание против Империи. Альянс за то, во что они верили. На самом деле, создание Восстания было единственной причиной ее попыток слиться с толпой сегодня вечером, чтобы остаться незамеченной всеми в этой комнате. Как один из лидеров Восстания, она не могла позволить себе привлекать к себе внимание любыми способами. Это было слишком опасно. Они знали, что имперские шпионы затаились на каждом углу, прислушиваются к каждому шепоту и ждут любой возможности, чтобы наброситься. Их цель? Найти лидеров или, что еще хуже, создателей Восстания. Император хотел лишь покончить со всеми, кто осмелился выступить против него.

Ее глаза медленно перемещались по толпе, с подозрением высматривая "возможных шпионов", ища любого, кто выглядел недоверчиво, что само по себе было нелегкой задачей, поскольку под это описание подходило три четверти, если не больше, собравшихся в комнате. Не говоря уже о том, что она уже почти никому не доверяла, молодой сенатор считала, что почти все выглядят такими же недоверчивыми и подозрительными, как и все остальные. Так было, пока она не нашла своего дорогого друга, сенатора Бейла Органу, человека, которому она по-прежнему преданно доверяла свою жизнь. Как и она сама, мужчина-сенатор прятался в тени на вечеринке, стараясь не привлекать к себе внимания. Он, однако, сливался с ней гораздо лучше, чем она, и ее взгляд переместился на свидетельство ее постоянного провала: другой мужчина стоял рядом с ней, не сводя глаз с ее тела. О, радость.

Раздраженная собой и нуждающаяся в разрядке, она сделала шаг в сторону Бейла, покинув безопасный угол и войдя в толпу посетителей вечеринки, быстро пробираясь через весь зал к нему. Когда он заметил ее приближение, он приветствовал ее улыбкой, которую она с радостью вернула, присоединившись к нему в тени.

"Привет, Бейл. Веселишься?"

Темнокожий мужчина кивнул, подняв свой бокал в воздух, жестом показывая на комнату вокруг них. "Кто бы не веселился?" - ответил он с легким смешком и улыбкой, его ложь была почти незаметна, отлично скрытая годами политики.

Падме тоже рассмеялась, саркастически согласившись. "Это точно", - ответила она, придвигаясь к нему ближе, с низким горьким голосом. "Все наслаждаются вечеринкой, потому что он еще не прибыл".

Падме наблюдала, как круглые глаза Бейла превратились в прорези, как он кивнул головой, но его взгляд настороженно сканировал все вокруг, надеясь, что никто не услышал ударение на слове "он". По правде говоря, они оба знали, что никто не услышал, поскольку они находились слишком далеко от толпы, чтобы их могли слышать, но это не остановило его блуждающий взгляд. В конце концов, никогда нельзя быть слишком осторожным. Не в такое время, как сейчас. Бейл знал, что она имела в виду Императора, этого больного ублюдка, который одурачил их всех несколько лет назад. Старший сенатор прекрасно понимал, какую горечь она испытывала к Императору, и почему ее горечь была глубже и сильнее, чем у всех остальных, что было еще одной причиной, по которой Падме предпочитала его общество. Бейл был с ней в том ужасном путешествии, наблюдал, как рушилась Республика, а вместе с ее гибелью рушилась и уверенность Падме. Огромное количество ее достижений было забыто, омрачено ее единственной ошибкой, большая часть галактики считала, что виновата она, как считала и она сама. Бейл говорил ей, что это далеко не так, но она никогда не могла стать прежней, и от этого ее ненависть только росла. Она ненавидела Палпатина, и все это знали - даже сам Император, и хотя это делало ее еще большей мишенью, она была не единственной, кто чувствовал это. Даже Бейл, который не испытывал ненависти ко многим людям во вселенной, поставил Палпатина на первое место в своем списке ненависти, как и многие другие в галактике.

Когда он был удовлетворен своими поисками, Бейл снова повернулся к ней с гораздо более спокойным выражением лица. "Опоздал на собственную вечеринку", - размышлял он вслух, почти насмешливо, ставя свой бокал на поднос обходящего дроида. "Как мило с его стороны заставить нас ждать".

"Безупречные манеры, не находишь?" Падме рассмеялась в знак согласия, прежде чем ее глаза наполнились негодованием. "Если нам повезет, может, он вообще не появится".

Бейл поднял брови в ответ, почти ухмыляясь. "Ну вот", - вздохнул он. "Снова прекрасная идея".

Оба они рассмеялись, их веселье заполнило маленький уголок комнаты и привлекло внимание молодого чандрилийского сенатора. Не на шутку встревоженная, молодая женщина оторвалась от своего разговора и направилась к смеющейся паре. Бейл, первым заметив ее приближение, повернулся к ней с широкой улыбкой.

"Здравствуй, Мон!" - поприветствовал он с легким поклоном. "Рад тебя видеть! Тебе нравится вечеринка?"

"Вполне", - Мон Мотма слегка поклонилась, прежде чем приблизиться к двум сенаторам, ее глаза были полны неодобрения, когда она смотрела туда-сюда между ними - взгляд, который она бросила на них, не остался незамеченным двумя сенаторами. "Привлекаем к себе внимание, не так ли?"

Ну вот, началось, подумала Падме, сопротивляясь желанию неуместно закатить глаза, прежде чем на ее лице появилось хмурое выражение. Она открыла рот, собираясь высказать свои возражения, но замолчала, когда ее подруга тут же встала на ее защиту.

"Конечно, нет!" ответил Бейл, его голос был низким, но сильным. "Я просто подумал, что нам с Падме не помешает посмеяться", - объяснил он, пытаясь успокоить нервы женщины. "Никто не заметил".

Его слова не успокоили ни одну часть недовольного лица женщины, а наоборот, вызвали обратную реакцию: она нахмурилась еще сильнее, и ее неодобрение резко возросло. Мон Мотма была одним из многих сенаторов, которые ополчились против Падме с момента создания Империи, считая, что некогда могущественная и умная женщина теперь не более чем глупая девчонка, не имеющая смысла в политике. Дошло даже до того, что Падме стала активно бороться за ее отставку; и стало еще более горько, когда родная планета Падме, а также многие ее сторонники по всей галактике сохранили веру в нее и отказались уволить ее со своего поста сенатора. Мстительность, казалось, никогда не закончится. Как будто все они были детьми в начальной школе - или так, как Падме нравилось думать об этом. Вечером Мон избрала себя лидером Восстания, назло Падме, конечно, после того, как все это было идеей Падме - факт, который никто, кроме Бейла, никогда не признавал.

По правде говоря, Мон Мотма сделала все возможное, чтобы превратить жизнь Падме в ад, используя любую возможность, чтобы подтолкнуть ее к неудаче - и, к сожалению, Падме позволила ей это сделать. Молодой сенатор, казалось, снова и снова терпела неудачи, причем так, как никогда раньше. Как будто все карты были сложены против нее лично: и люди, и ее сверстники, и Палпатин.

Было время, когда Мон Мотма и Падме Амидала были равны, даже близкими знакомыми, но это время давно прошло. Тогда Мон Мотма только хвалила и надеялась, когда молодая королева Набу Амидала сменит роль на роль сенатора Амидалы. Она считала и даже вещала, что у молодой женщины есть мужество, необходимое упрямство и золотое сердце. Она называла Падме следующим великим сенатором Республики, человеком, который окажет большое положительное влияние на галактику и будет хорошо служить людям... Так было до тех пор, пока Палпатин не ополчился против них.

После падения Республики Падме изо всех сил пыталась исправить свою ошибку. Она сражалась с Палпатином при каждом удобном случае, даже когда другие молчали. Правда, Падме взяла на себя личную ответственность за то, чтобы его жизнь и работа были далеко не простыми. И она должна была признать, что у нее это неплохо получалось, несмотря на то, во что Палпатин заставлял ее верить. Она знала, что раздражает старшего, как бы он ни притворялся, что это не так, и уже одно это было маленькой победой в ее книге. Вот только подобные действия никогда не проходили без ответной реакции - с ней Падме могла справиться, в то время как другие сенаторы считали, что она сошла с ума.

Они стали называть ее ребенком, бунтующим, как самоуверенный подросток, которому не нравятся последствия принятого ею решения. Это было смешное заявление, когда они сами начинали бунтовать. На самом деле Падме просто пыталась делать свою работу, но поскольку ее сверстники продолжали ее ругать, а последствия продолжали ее ломать, она должна была признать, что начинает чувствовать себя немного потерянной. Она пыталась и пыталась, и все же, похоже, потерпела неудачу, позволив себя раздавить в течение двух лет, унеся с собой свою хорошую репутацию. Восстание было ее последним шансом искупить свою вину, последним шансом снова стать женщиной и уважаемым сенатором в глазах своих коллег... но она могла сказать, что многие из них уже ожидали ее провала - ожидали, что она станет

причиной их падения.

И это напоминание заставило Падме похолодеть, глядя на старшую женщину.

"Никто не заметил?" Мон повторила слова Бейла с сарказмом, прежде чем поднять бровь в его сторону. "Я заметила".

"Ты была в нескольких метрах от нас", - нахмурившись, ответил Бейл, не собираясь позволять женщине обвинять Падме в такой простой ошибке. "В этой комнате больше сотни человек, Мон. Никто нас не заметил".

"Да." Мон вздохнула в ответ, в ее голосе слышалась явная насмешка. "В этой комнате сотни людей. Великие Моффы, королевские особы, политики, военачальники и..." Она сделала паузу, ее лицо стало жестким, а голос - низким. "Предатели", - закончила она, охлаждая воздух, прежде чем нажать на еще один саркастический комментарий. "Кто обратит на тебя внимание?" Она позволила своему комментарию повиснуть в воздухе, вес слов увеличивался с каждой секундой. Она снова сделала паузу, настороженно оглядывая комнату, прежде чем повернуться к Бейлу и указать пальцем в его сторону. "Подожди и увидишь, Бейл. Сейчас ты шутишь, но я уверена, что к концу ночи даже ты окажешься под следствием".

Бейл оставался спокойным, уравновешенным и уверенным. "Я в этом не сомневаюсь", - согласился он без колебаний. "Я уверен, что мы все будем".

"И все же ты продолжаешь привлекать внимание?" прорычала Мон, прежде чем переключить свое внимание на его левую сторону, устремив на Падме жесткий взгляд. "Если бы ее здесь не было, ты бы так себя не вел. Я говорила тебе, что она не готова!"

"Я очень даже готова!" сердито перебила Падме, не в силах больше сдерживать свои комментарии. "Я не ребенок, Мон!" Не осознавая, что ее вспышка не помогла ей в ее деле, ее возражения заставили ее звучать как то, против чего она спорила, - как капризный ребенок.

Мон оскалилась в ответ, опустив глаза на молодого сенатора, что говорило о том, что она одновременно и довольна, и сомневается. "Я никогда не говорила, что ты ребенок".

Падме чуть не зарычала. "Вам не обязательно это говорить", - ответила она. "Я умею читать между строк, сенатор Мотма. Отсутствие поддержки с вашей стороны сделало это совершенно, кристально ясным. Вы можете не называть меня ребенком, но вы продолжаете обращаться со мной как с ребенком".

Женщина не сделала никаких попыток опровергнуть слова Падме, лишь подняла лицо, чтобы встретиться с глазами не женщины, а девушки.

"У меня есть свои причины", - пожала плечами Мон, сделав большой глоток напитка, который держала в руке.

Падме открыла рот, чтобы возразить, но, воспользовавшись тем, что Мон Мотма не могла говорить, Бейл положил руку на плечо Падме. "Мон имеет в виду", - сказал он мягко и доброжелательно, пытаясь разрядить обстановку между ними. "То, что она... мы должны принять все меры предосторожности. Вы уже некоторое время находитесь на Набу и не были на этих политических фронтах. Мы находимся в комнате, полной врагов, а значит, любое внимание будет негативным. Это очень опасно, и очень важно, чтобы все оставалось в тайне для Империи - даже мы сами, если придется".

"Я понимаю", - раздраженно ответила Падме, чувствуя, что с ней снова обращаются как с ребенком. Неужели Бейл встал на сторону женщины? Чего они не понимали? Она была готова! Она была пригодна для этой работы! Сколько раз ей придется доказывать свою правоту? Что она должна сделать, чтобы стать взрослой в их глазах - чтобы вернуть свою честь?

"Я знаю, что хочешь". Бейл улыбнулся, пытаясь утешить ее, а затем притянул ее ближе к себе. "Я не хотел говорить с тобой свысока, Падме". Он сделал паузу, улыбаясь ей с грустью в глазах. "Я прошу прощения, если обидел тебя, но я просто хочу быть уверенным. Вы такой дорогой друг, и я не хочу, чтобы вам снова было больно". Он ободряюще улыбнулся ей, затем опустил руку и повернулся к профессионалу. "Однако Мон права. Каждая мера предосторожности должна быть под контролем. Вы - одна из этих мишеней, потому что вы молоды и совершили ошибку, поэтому люди будут недооценивать вас".

"Я человек", - ответила Падме, немного менее раздраженная, но все еще чувствуя необходимость защищаться. "Я признаю, что совершила ошибку, и я взяла на себя ответственность за свои действия, но это вовсе не делает меня слабой или менее достойным лидером". Она сделала паузу, ее лицо стало каменным, когда она посмотрела на них обоих. "Я не потерплю неудачу", - уверенно заявила она. "Я не боюсь".

Бейл, казалось, был доволен ее заявлением, но женщина-сенатор чуть не выплюнула свой напиток, услышав слова Падме.

"Ха!" - засмеялась Мон, а затем повернулась и уставилась прямо на Падме недоуменным взглядом. "Потерпишь!" - воскликнула она, скрывая в своих словах обещание. "Ты не понимаешь!" Больше она ничего не сказала, а затем повернулась и исчезла в многочисленных группах людей, оставив Падме и Бейла снова одних в своем углу. Они смотрели, как она уходит, и на них опустилась тишина, прежде чем Бейл разразился новым смехом.

"Кажется, ты ей нравишься", - поддразнил он, и Падме улыбнулась, зная, что его шутка не соответствует действительности.

Тем не менее, в животе у нее что-то тревожно заныло. "Чего она так боится?" - спросила она вслух, не собираясь задавать этот вопрос всерьез.

Она не имела в виду очевидное. Она знала, что сейчас страшные времена. Было очевидно, что все члены, лидеры и создатели Повстанческого Альянса не хотели, чтобы какая-либо информация или их имена попали к Императору. Падме уже много раз слышала об этом, но не

так, как сенатор Мотма. Она была другой - ее страх был другим. Когда она заговорила, в ее голосе звучал другой страх, которого раньше не было.

"Это..." Бейл сделал паузу, пытаясь подобрать правильные слова. Он всегда понимал любопытство Падме, и за это она была ему безмерно благодарна. Бейл всегда был полезным другом, который помогал ей, а не осуждал, как многие другие. "Предполагается, что сегодня здесь будет много шпионов", - предложил он, его голос был неуверенным. "Она хочет убедиться, что никто, и, к сожалению, из-за твоего прошлого, особенно ты, ничего не выдаст во время разговора с ними".

Это было не то. С того момента, как его слова долетели до ее ушей, Падме знала, что это не ее ответ. Было что-то еще, но что-то внутри подсказывало ей, что нужно оставить все как есть. Поэтому она просто кивнула, и на ее лице появилась уверенность. "Я готова к этому", - снова прокомментировала она. "Если вы забыли, я политик. Я отточила умение скрывать свои эмоции и такую важную информацию, пока была королевой Набу. Я совершенствовалась в том, как оставаться хладнокровной, коллективной и профессиональной в течение многих лет в качестве сенатора. Так же, как и вы. У меня действительно много опыта, который, похоже, забыт многими людьми. Какой бы ни была новая угроза, из-за которой все в страхе бегут на эту вечеринку, я готова к ней".

"Я понимаю, Падме. Они тоже это понимают, но..."

Звук распахнувшихся дверей гигантского бального зала оборвал комментарий Бейла; громкие хлопки и одобрительные возгласы эхом разнеслись по залу.

"Его Величество, Император!" - объявил мужской голос, вызвав усиление аплодисментов - пока аплодисменты внезапно не смолкли и не сменились вздохами и шепотом.

<http://tl.rulate.ru/book/79802/2415160>